

Елена Глебова

ПОЛУЁХА

Бульварное чтение

Часть 1. Лёд везде одинаковый

По стене больничной белой палаты ползли уродливые фиолетово-сизые тени. Они были странной причудливой формы, и мозг в первые секунды отказывался признавать реальность окружающего мира. Капельница раздувшейся прозрачной огромной медузой равнодушно взирала на очередную пациентку психоневрологического диспансера. Обычно пациенты появлялись здесь с завидной регулярностью, эпизодически одни и те же лица, точнее тела. Это женское сорокапятилетнее лицо, изуродованное безразличием к жизни и маской абсолютной безысходности, больничные стены диспансера встречали впервые. Новую пациентку привёз сын. Выгрузив из машины отощавшее тело с трясущимися руками, он чуть ли не волоком затащил её в приёмный покой. Пациентка не то, чтобы сопротивлялась, она казалась напрочь выпавшим из жизни существом, которое весьма отдалённо напоминало то, что привыкли называть человеком. Скорее напоминая гуттаперчевую

куклу, она прислонилась к облезлой стене в приёмном покое и застряла взглядом в одной точке. Видела ли она там что-нибудь? Скорее, нет. Она и дышала-то, наверное, скорее, в силу устоявшейся многолетней привычки. Сын бережно приподнял мать и помог дойти до врачебного кабинета.

Разговор с доктором был, разумеется, вынужденным и закончился курсом капельниц, после которых врач выписал достаточно сильные транквилизаторы. Её звали Вика. Сильнейшее потрясение добило и без того расшатанную психику. Последние недели она начала пить, отчётливо осознавая, что садиться на стакан — дорога в никуда, но иначе не получалось. Дети молча ели пельмени, даже не пытаясь подходить и взывать к её самообладанию. Самообладания не было. Оно кончилось с ЕГО уходом. А капельница, как назло, не хотела заканчиваться. Переполненный жидкостью организм просил пощады, и одно это уже радовало — сохранились рефлексy и хоть какие-то проявления привычной жизни. Сизые тени... они всё ползли и ползли в сумерках январских праздников. У кого-то праздники, новогодние каникулы, а кто-то смотрит в потолок больничной палаты и мысленно продолжает умирать.

Мучительнее всего давались воспоминания. Боль случившегося притуплялась, прошлое

неохотно просачивалось в память, и перед глазами возникали картины того, что когда-то называлось Викиным счастьем. Сначала будто бы бледные, тревожные тени, а потом волна воспоминаний утопила её с головой... стало легче. Реальность уступила место прошлому. Обман психики. На какие-то минуты перед глазами пронеслось прошлое, заслонив собою всё — и нынешнюю боль, и нежелание жить, презрение, обиду, гнев — прошлое накрыло пледом даже сизые тени на больничной стене. Слезы нескончаемым градом хлынули из глаз. Это было первое проявление человеческих чувств. Когда-то ещё в самом начале зимы она любовалась рекой, начинающей подёргиваться корочкой льда. Реку словно затягивала нежная корка полупрозрачного хрусталя. Со временем корка росла и крепла, но Вика знала, что лёд на реке очень капризен и ежегодно уносит жизни многих людей. Лёд... он всегда и везде одинаковый: он притягивает, сулит и манит, зовёт и обещает, а потом губит незадачливых горе-рыбаков, бегущих от обрыдлых будней в мир тишины и уединения. Рыбалка — суть философия, и редко кто озадачен именно ловлей рыбы непосредственно — зимний лёд зовёт душу отдыхать, забывая всё, что претит в окружающем круговороте серых безликих дней. Да и не могло быть другой жизни в небольшом позабытом Богом

Черяпинске. Не город — настоящая промышленная зона, где люди селились в бедовые уродливые потрескавшиеся со всех сторон панельные коробки, доставшиеся им ещё со времён социализма, где заплёванные грязные улицы, а на самой набережной, подле места схождения двух рек, на самом красивейшем месте, на самой стрелке гордо высился покорёженный некогда процветающий судоремонтный завод. Гигантские краны, словно прожорливые клювы, торчали вразнобой по самому берегу и косо смотрели на нескончаемый поток легковушек, которые, как бесноватые жуки, тархтели и перекатывались по маленькому мосту через речку со старинным названием Ягорба. «Я горбатая», — говорила о себе река, пленяя своими извилистыми берегами незадачливых рыбаков, любителей подводного зимнего лова. Красота местной северной природы, которую не опоганить было ничем, так и манила людей, притягивая взгляды проезжающих мост через вековечную красавицу Ягорбу.

Он приехал к ней из-за Ягорбы поздней осенью, сорвавшей с нагих деревьев последнюю листву. Приехал, чтобы остаться. Со сломанной ногой, без средств к существованию, голый и нищий, с кредитом на породистый мастистый нисан. Работать он не мог — нога должна была срастаться месяца три, вахты для него кончились, а

заработанных денег хватило разве что на ближайшую выплату по кредиту и лекарства. Вика помнила тот вечер во всех его тончайших подробностях. Разведённая женщина, высудившая у бывшего мужа огромную обставленную новую квартиру, имевшая упакованную дачу и стабильный не самый низкий в городе заработок была скромна, если не сказать, ущербна, на внешность, но обладала замечательным чувством юмора. Мат был её стихией, причём мат отборный, разбавленный всей дворовой лексикой, собранной ещё со времён лихой разбитной юности. К ней нужно было привыкнуть. Родом с Поволжья, Вика корнями происходила из Горьковской области. Малый городишко Кстово, что вблизи от Нижнего Новгорода, где каждое лето ждала Вику бабушка, вместе с ласковым солнцем и тёплым постоянно беснующимся ветром, что сушит губы и кожу, наделил её тягой к свободному независимому мышлению и желанием самой управлять своей жизнью. Как и многие девчата Поволжья, Вика имела весьма характерную внешность. И если юность своей свежестью как-то сглаживала вырубленные природой черты, то с возрастом картинка становилась всё грустнее. Саму же Вику никак не омрачал собственный внешний вид. Она вообще считала себя красоткой, и это к лучшему, потому как иначе депрессия ходила бы за ней по